

© **Начапкин Максим Николаевич (2016)**

кандидат исторических наук, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург, Россия), maks.nachapkin@mail.ru.

Идеи преемственности консервативных представлений о власти и оптимальном государственном устройстве для России (на примере взглядов консерватора русской эмиграции И. А. Ильина и современной консервативной идеологии, представленной в «Русской Доктрине»)

Аннотация. В статье анализируются взгляды И. А. Ильина и современных консерваторов об истории России, власти, государстве. Материалом для исследования послужили статьи И. А. Ильина, написанные в первой половине XX века, и «Русская доктрина», разработанная в 2003 году В. В. Аверьяновым, А. Б. Кобяковым, В. А. Кучеренко, Е. С. Холмогоровым и другими современными исследователями-консерваторами. Отмечается, что большой интерес представляют рассуждения новых российских консерваторов о принципах консервативного переустройства России, ее политических и социально-экономических институтов, системы образования, культуры. Доказывается актуальность идей консерватизма для современной России.

Ключевые слова: И. А. Ильин; «Русская доктрина»; консерватизм; власть; государство; традиция; преемственность; иерархия; самобытность.

© **Nachapkin Maksim N. (2016)**

PhD in History, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia), maks.nachapkin@mail.ru.

Ideas of Succession of Conservative Views on Authorities And Russian Optimal Polity (by Example of Views of I. A. Ilyin Conservative Russian Emigration and Modern Conservative Ideology Presented in "Russian Doctrine")

Abstract. The article analyzes the views of I. A. Ilyin and modern conservatives on the history of Russia, authorities and state. The

material for investigation was the articles by I. A. Ilyin, written in the first half of the XX century, and the "Russian doctrine" developed in 2003 by V. V. Averyanov, A. B. Kobayakov, V. A. Kucherenko, E. S. Kholmogorov and other modern conservative researchers. It is noted that the arguments of the new Russian conservatives about the principles of conservative conversion of Russia, its political and socio-economic institutions, education and culture are of great interest. The relevance of the ideas of conservatism for modern Russians proved.

Key words: I. A. Ilyin; "Russian doctrine"; conservatism; authorities; state; tradition; succession; hierarchy; identity.

Находясь в эмиграции в Швейцарии с 1948 по 1954 годы, русский религиозный мыслитель Иван Александрович Ильин (1883—1954) написал несколько десятков статей, объединенных в двухтомник «Наши задачи». Он был патриотом, постоянно размышляющим о судьбе России. Его мировоззрение с полным основанием можно оценить как консервативное. Одна из статей мыслителя, опубликованная в 1928 году в эмигрантской печати, так и называлась «Победит правое дело». Консерватизм представляет собой политическую философию, выступающую за сохранение традиционных основ государственной, общественной, культурной, религиозной жизни. Важнейшими ценностями этого мировоззрения являются: принцип уважения исторических традиций, необходимость сохранения сильной, в своей основе Православной государственной власти, территориальной целостности и единства страны, иерархизм (идея неравенства, признание авторитетов), органицизм (представление о развитии общества как живого организма), защита нравственных устоев и семьи, творческое отношение к труду, отстаивание самобытного, эволюционного пути развития. Революция представляла для консерваторов совершенно безумный процесс разрушения накопленного веками жизненного опыта, быта и культуры. В отличие от других консерваторов, Иван Ильин был ярким представителем креативного консерватизма. Основанием выделения среди других типов консерватизма креативного является следующее: ставка на развитие продуктивно-творческих сил человека, ориентация на социальную справедливость, обоснование концепции творческой демократии, верховенства духовно-нравственных основ в жизни народа, отказ от крайностей в политике. Креативный консерватизм стремился к глубокому анализу причин поражения дореволюцион-

ного консерватизма: «... мы не должны впадать в чистое отрицание и разрушение (наподобие «Московского сборника» Победоносцева)» [Ильин, 2008, с. 10].

Для Ивана Александровича Ильина одной из важнейших тем его творчества стала тема сильной государственной власти. Актуальными и сегодня являются его размышления о государственной власти, ее задачах и границах действия. Задача государственной власти по Ильину «... сводится к правовому обеспечению свободы, к препятствию всем злым и обязательным начинаниям, к организации народного просвещения и к выделению людей благой воли» [Ильин, 1993, с. 411]. Будущая Россия должна быть страной с сильной государственной властью. Ученый обосновывал ее необходимость всем опытом прошедшей истории, особенностями народного характера, обстоятельствами внешней и внутренней политики. Во-первых, сильная власть необходима из-за огромных территориальных размеров России. Во-вторых, такая власть нужна из-за особенностей национальной психологии русского народа: «... русский народ всегда был склонен к состоянию полу-анархии и лишь с большим трудом приучается к правопорядку. Чего же достигнет в России слабая власть?... Февральская революция это наглядно показала?» [Там же, с. 407]. Его симпатии были на стороне монархической власти. Сильная монархическая государственная власть создала Россию. Одна из его статей называлась «Когда Россия была республикой». Иван Александрович подробно рассмотрел историю Древней, Средневековой Руси, Имперской России и сделал вывод, что никогда в своей истории Россия не была республикой: «С древнейших времен и до самой февральской революции — никогда; ни в Киевский период; ни в Суздальско-Московский период; ни в Смутное время; ни тем более в Императорскую эпоху русской истории» [Там же, с. 291]. Даже политический строй Новгородской Руси сочетал в себе черты республиканские с чертами монархическими. Ильин оправдывал политику московских государей в отношении Новгорода. Он считал, что его присоединение к Москве было органической необходимостью, так как нельзя было допустить захвата его Ливонским орденом. Таким образом, сильная государственная власть была необходима для отпора внешним врагам: «Россия как единый народ и единое государство могла спастись от напора других наро-

дов только монархическим единением, а не вековыми интригами и драками» [Там же].

Важно отметить, что сильная государственная власть для мыслителя не имела ничего общего с тоталитарной властью. В статье «О сильной власти», написанной в 1951 году, он отмечал, что монархическая власть даже при Иване Грозном не требовала жесткой регламентации жизни, хозяйства и культуры. В то же время, большевистская власть представляла для него насильственное попрание жизни, самостоятельности и свободы. Поэтому Ильин призывал русскую эмиграцию, в случае прихода к власти после падения большевизма, крепить национально-государственную власть «... в ее конституционном строении, в ее государственном направлении, в ее волевой энергии, в ее блюде-нии права и свободы ...» [Там же, с. 404]. При этом ученый полагал, что государственная власть должна иметь определенные ограничения. Человек для него представлял живой организм, который нельзя было настраивать как машину. Ильин писал: «Дух человека живет не по приказу и творит не по принуждению. Заменить хозяйственно-трудовую инициативу человеческого инстинкта нельзя ничем; предписывать человеческому духу любовь, веру, молитву, совестные движения души, чувства достоинства и чести, способы научного исследования и художественного созерцания противостоит и нелепо» [Там же, с. 411]. Таким образом, все, что требует свободного дыхания, творческой инициативы, не должно подлежать властному регулированию государственной власти.

Многонациональный и многоконфессиональный состав населения страны также очень сильно влиял на характер государственной власти. Чем меньше в стране национальных, языковых, религиозных и климатических различий, тем легче управлять государством слабой власти. В России, сделал вывод Иван Александрович, число религий и вероисповеданий доходит до 30, а национальных и языковых групп до 170: «Кровь и язык, вера и быт, хозяйственный уклад и культурный уровень — дифференцированы в высшей степени. Государственное единство возможно здесь только при наличии сильной и мудрой власти» [Там же, с. 408].

Сильная власть, считал Ильин, была необходима России и для реализации великодержавных задач страны и организации обороны.

Со сложной международной проблематикой и войной не способна справиться слабая власть, так как война требует концентрации воли и дисциплины. Как известно, Ильин не предрекал будущей России непременно монархической формы правления. Тем не менее, в «Наших задачах», обосновывая необходимость сильной власти, он выступает за монархию: «Спать внутренне множество в органическое единство: поднять культурный уровень народных масс; вызвать к жизни хозяйственный расцвет большого народа ... — все это требует сильной власти, независимой от партийного прилива и отлива, не опасющейся “сроков”, не трепещущей перед новыми выборами, прозорливо ведущей свою миссию из десятилетия в десятилетие» [Там же].

И еще одной важной причиной для установления сильной государственной власти является низкий уровень правосознания в стране. Ученый считал, что правосознание подразумевает умение уважать право и закон, добровольно исполнять свои государственные обязанности. В основе его лежит чувство собственного духовного достоинства, взаимное уважение граждан к власти и власти к гражданам. Он старался доказать, что сильная государственная власть необходима для искоренения в народном характере таких черт, как недисциплинированность, индивидуализм, тяга к анархии.

Таким образом, обоснование сильной государственной власти было связано у Ильина со следующими особенностями русской истории: «Силою равнинного пространства, силою национального темперамента, силою славянского индивидуализма и слабостью своей общественной дисциплины — русский народ был поставлен в условия, требующие не слабого, а сильного государственного центра. На протяжении своей истории он не раз, и ныне, в революции, вновь обнаружил тягу к безвластному замешательству, к страстному разрушительному кипению, к хаотическому имущественному переделу, к противогосударственному распаду. Русский человек способен блюсти порядок и строить государство; он способен держать образцовую дисциплину, жертвенно служить и умирать за родину. Но эта способность его проявляется и приносит плоды тогда, когда вызывается к жизни, закрепляется и ведется импонирующим ему, сильным и достойным государственным авторитетом. Именно поэтому России необходима сильная власть» [Там же, с. 410—411].

Размышляя об очертаниях будущей России, Ильин также высказывает немало консервативных идей. В частности, это относилось к его мыслям о демократии: «Прошло время, когда русская интеллигенция воображала, будто ей стоит только заимствовать готовую государственную форму у запада и перенести в Россию и все будет хорошо. Ныне Россия в беспрецедентном историческом положении: она ничего ни у кого не может и не должна “заимствовать”. Она должна создавать ... свое общественное и государственное обличье, такое, которое ей в этот момент исторически будет необходимо» [Там же, с. 44]. Он критиковал формальную, партийную демократию. Крайне негативное отношение Ивана Александровича к партийному строю было связано с тем, что тот разжигал честолюбие и партийное соперничество.

Ильин выступал за творческую демократию и выделял следующие ее предпосылки: 1) искусство свободы; 2) высокий уровень правосознания; 3) хозяйственная самостоятельность гражданина, способность кормить семью; 4) наличие хотя бы минимального уровня образования и осведомленности; 5) наличие политического опыта; 6) необходимость гражданского мужества.

Иван Александрович высказывает несколько важных идей о принципах формирования нового правящего слоя. Во-первых, новая элита России — новая русская интеллигенция — должна быть религиозной и нравственной. Во-вторых, ведущий слой должен быть не замкнутой кастой, а живой, подвижной элитой, постоянно пополняемой новыми, способными людьми с духовным зарядом. В-третьих, принадлежность к правящему слою представляла для Ильина не привилегии, а трудную обязанность. Он писал, что в России должна быть искоренена дурная традиция «кормления», то есть частного обогащения на публичной должности. Кроме преследования коррупции, нужно искоренить и кастовый дух. В-четвертых, для отбора лучших людей в управление необходимо сочетать выборы с назначением. В-пятых, важно, чтобы социальный ранг соответствовал духовному рангу человека. Нужно, чтобы управленец мыслил не о личной, а о всенародно-государственной пользе. Актуален и вывод Ильина о том, что государство с неудачным ранговым отбором всегда будет слабым и неустойчивым.

Консервативные идеи Ивана Александровича Ильина о необходимости учета специфики национальной психологии, поиска своего

особого, самобытного пути развития сильной государственной власти, творческой, ответственной демократии необходимо учитывать при реформировании страны. Изучение консервативных взглядов И. А. Ильина неизбежно связано с ответом на следующие вопросы: что представляет собой в настоящее время русский консерватизм, сохраняется ли его историческая преемственность, каковы перспективы консерватизма в современной политической жизни. Можно сделать вывод о том, что интерес к отечественному консерватизму является очень серьезным. Практически в каждом номере таких журналов, как «Власть», «Обозреватель», «Историк», мы видим публикации по этой теме [см. например: Демидова и др., 2016; Лотарев, 2016 и др.]. Так, К. А. Лотарев считает, что постулаты консерватизма созвучны ценностным ориентациям россиян: «Это, прежде всего, сильное государство, правовой порядок, взаимответственность личности и государства, смягчение ... социального и экономического неравенства» [Лотарев, 2016, с. 102]. Кроме того, консолидация общества, его стабильное развитие невозможны без утверждения в нем патриотизма. Лотарев в вопросе организации патриотического воспитания предлагает использовать идеи И. А. Ильина, который отмечал, что внутренняя и внешняя политика государства без патриотизма беспомощна и нелепа. В последнее время была опубликована и «Русская доктрина» [Русская ..., 2016].

Весной 2006 года президент России В. В. Путин выступил с очередным Посланием Президента Федеральному Собранию. В нем открыто было заявлено о приоритете национальных интересов России перед ее международными обязательствами, о курсе на укрепление суверенитета страны. В этом документе были использованы идеи из «Русской Доктрины». Составителями разработанной в 2003 году «Русской Доктрины» стали В. В. Аверьянов, А. Б. Кобяков, В. А. Кучеренко, Е. С. Холмогоров и др. Многие из этих ученых работают в «Институте Динамического консерватизма» и Изборском клубе. Авторы «Русской Доктрины» стремились расчистить путь к объемному идеологическому полю, которое могло бы стать притягательным для людей разных убеждений; «доктрина оказалась в точке притяжения, как для “левых”, так и для “правых”. Она соединила в себе многие ценности консерватизма и традиционализма с идеями социализма и

осознанием важности и насущности тех социальных приобретений, которые были сделаны Русской цивилизацией в советский период» [Там же, с. 17]. Для создателей документа важно было подчеркнуть уникальность и специфичность матрицы Русской цивилизации. Поэтому своими союзниками они видят здоровые национально-патриотические силы в союзе с традиционными конфессиями России. Противниками доктрины названы радикальные либералы. Таким образом, по мнению авторов, «Русская Доктрина» представляет собой развернутую альтернативу либеральному саморазрушению России. Считая распад СССР глубочайшей геополитической катастрофой, ученые резко критикуют современную роль России: «... проект, начатый в 1991 году, доказал свою нежизнеспособность. В сегодняшнем мире страна под названием «Российская Федерация» обречена. В мировом разделении труда ей отведена самая позорная роль — поставщика сырья для развитых стран Запада, для Китая, Индии и стран Азиатско-Тихоокеанского региона» [Там же, с. 23]. Большой бедой России авторы называют тенденцию самоуничужения и слепого копирования чужих идей: «... западничество и нынешняя американизация — традиционные заболевания нашей элиты» [Там же, с. 31]. Именно западничеством можно объяснить утрату смысловой суверенности государственной политики, ее ущербность. Авторы доктрины правильно считают, что главным условием динамического развития России является ее духовная суверенность: «Осознав свою духовную суверенность, на базе традиции и с учетом вызовов времени, творчески переосмыслив свою цивилизационную программу, мы можем (и перед лицом истории — обязаны) сформулировать свой Русский глобальный проект» [Там же, с. 35].

В разделе «Ложная стабильность» критикуется отсутствие в современной России официальной идеологии. Сегодня российское государство — заложник «оффшорной элиты». Объявленные властью цели — «экономическая эффективность» и «рост материального благосостояния граждан» — низводят роль государства до обеспечения интересов паразитического капитала. Авторы «Русского Доктрины» правильно отмечают, что целью государственной власти должно быть сохранение суверенитета, самостоятельности, народной свободы, на основе которых и возможно достижение личного материального

благополучия. В официальной идеологии должны быть отражены общие цели, ценности ради которых граждане обязаны жить, а когда нужно, и отдать свою жизнь.

Рассмотрение материалов «Русской Доктрины» позволяет сделать вывод о следующих особенностях современного российского консерватизма. Во-первых, это консерватизм традиционалистский, христианский, имперский. Традиционалистским он является потому, что постоянно апеллирует к традиции. Из опыта традиции он черпает решение острых вопросов современности. Так, в разделе «Прорыв к традиционному русскому государству» отмечается: «Нам необходимо возвратиться к традиции, к наследию древних строителей государства ... мы ставим перед собой задачу не изобрести Русскую Доктрину, а ... пробиться к себе, к своей собственной сущности ... Нам требуется не учреждение нового государства, а прорыв к традиционному русскому государству ...» [Там же, с. 38]. Традиционалистский консерватизм лучше всего проявляется в рассуждении авторов о возвращении в политическую жизнь современной России такого органа как Земской Собор и в рассуждении о роли Православной церкви, которая «... сегодня остается единственным историческим институтом, имеющим непрерывное преемство более чем за тысячу лет» [Там же, с. 155].

Второй особенностью современного российского консерватизма, изложенного в «Русской Доктрине» является его необычайно тесная связь с Православной верой. Возрождение России, национальную консолидацию авторы «Русской Доктрины» связывают с деятельностью Православной церкви; «Русская Доктрина» провозглашает несомненным условием будущего возрождения и усиления России союз государства с Церковью и, с другой стороны, теснейший союз Церкви с обществом. Государство должно подхватить инициативу Церкви, поддержать курс на духовную, моральную и политическую консолидацию нации» [Там же, с. 155]. Возрождение православия рассматривается в документе едва ли не единственным положительным процессом 1990-х годов. Созидательную роль Православной церкви эти ученые видят в сохранении национальной идентичности, борьбе с деструктивными сектами, большой социальной работе со школьниками, солдатами, малоимущими, больными, заключенными. Особо тесные

отношения государства с Православной церковью должны проявляться, например, в том, что всякое публичное глумление над православием должно рассматриваться как посягательство на устои государства. В документе предлагается также отменить некоторые советские праздники, например, первое мая и ввести православные (Вознесение, Преображение, Крещение, Покров), предоставить Православию официальный статус первенствующей религии. При этом отмечается, что «... не допускается слияние религиозной организации России с государственными институтами» [Там же, с. 170]. В тексте документа представлены также предложения по улучшению материального положения Православной церкви: предлагается вернуть дореволюционное имущество — землю, святыни, реликвии: «Государство должно возместить финансовые потери, предоставить церкви значительные налоговые льготы. Храмы, имеющие статус памятников, должны содержаться за счет государства» [Там же, с. 178].

Третьей важной особенностью, на наш взгляд, является имперский характер документа. В книге особо подчеркивается, что «Русская Доктрина» — доктрина имперская. Россия представляется ее авторами как тип «правильной» империи: «Наша империя выступала как опекающая мать, дающая возможность разным народностям, состояниям, сословиям, не уничтожая и не подминая друг друга, раскрывать свой потенциал. Наша империя как будто отменяет волчий закон «борьбы за существование» которые в других империях, (например, в колониальной Британии), действовал в полной мере ... Уникальная природа русского «миродержавия», его единственная в своем роде духовно-политическая черта — способность направлять свой меч на дела совести и добродетели, безотносительно корыстным интересам и вопреки им» [Там же, с. 80—81]. С этим высказыванием можно согласиться. Захватнических войн Россия практически не вела. К. Н. Леонтьев отмечал, что внешнеполитические интересы России имели своей целью поддержку слабейшего, угнетенного.

В доктрине, в разделе политического устройства, отмечаются следующие цели государства — духовная суверенность и социальная правда. Современное российское государство критикуется за отсутствие четких целей деятельности. Оно должно быть инструментом осуществления национальных целей развития, однако в настоящий

момент государство своей политикой проповедует потребительские подходы к жизни, погоню за удовольствием.

Не удовлетворяет составителей «Русской Доктрины» и состояние российской демократии. Как и известный консерватор Российской эмиграции И. А. Ильин, они критикуют формальную демократию, скопированную с Запада: «Дело в том, что современная наша демократия не вызвана процессами внутренней глубинной политической эволюции русских социальных структур. Выбирают депутатами одну и ту же когорту людей, неспособных предложить ничего нового ... С каждым годом все больше граждан России осознает абсурдность существующей системы выборов, в которых отчуждение избирателей от избираемых становится катастрофическим» [Там же, с. 299—300]. Можно согласиться с мнением авторов доктрины, что демократические принципы были восприняты в России догматически, причем демократические процедуры, имеющие технический смысл, стали рассматриваться в нашей стране как квазирелигиозная ценность.

Авторы «Русской Доктрины» при разработке плана политического устройства будущей России опирались на богатое консервативное наследие Л. А. Тихомирова, К. П. Победоносцева, И. А. Ильина. У этих консерваторов они брали следующие идеи: державности (духовной суверенности), необходимости обращения к исторической традиции, обоснования сильной верховной, самодержавной власти, качественного отбор элиты, критики деятельности политических партий, выбора народных представителей от различных общин и производственных корпораций. «Новые политические реалии потребуют и новых форм государственности. Вероятно, эти формы будут напоминать наши старые земские соборы ... Не исключено, что и само имя новых политических форм будет позаимствовано из нашей традиции. Принципом соборного зова был не выбор депутатов, но отбор лучших и важнейших своих представителей, — это было сословно-корпоративное представительство, внутри которого шансы прохода «залетного» кандидата, возможности подкупа и влияния на исход голосований стороннего капитала были практически нулевыми» [Там же, с. 302—303]. Современные консерваторы выступают за формирование смешанной формы правления — гармоническое сочетание

единовластия, демократии и аристократии. Российская государственная власть должна быть сильной, эффективной и ответственной. Для ученых наиболее эффективной формой правления, подтвержденной всем ходом исторического развития России, является самодержавная власть. Слово «самодержавный» имеет для них такое значение, что и «независимый», «полновластный»: «Самодержавие — суверенитет, есть она из форм осуществления свободы, и национальной, и личной. Русское понятие самодержавия включает в себя прежде всего политический аспект, это не только независимость от чьего-либо чужого суверенитета, но и концентрация в едином властном лице полномочий огромной мощи» [Там же, с. 315]. Для составителей доктрины не так важно название главы исполнительной власти — царь, президент и т. д. Главное, что сам принцип самодержавия продолжает действовать и сегодня, несмотря на то, что российская монархия прекратила свое существование почти сто лет назад. Демократия также должна быть неотъемлемой составляющей политической системы России. Консерваторы предлагают использовать прямую демократию — в виде референдума, а также представительную, когда общины и корпорации, выбирают своих представителей в Земской Собор. Это будет называться Соборной, суверенной демократией. Интересно, что составители доктрины предложили использовать и советский опыт — возродить систему советов на местном уровне.

По проекту составителей доктрины, монарх, или президент, должен делить законодательную власть именно с Земским собором: «Земской собор не является прямым аналогом Федерального Собрания нынешней РФ, поскольку текущая работа по составлению законов, собранию и согласованию законодательных инициатив будет передана в ведение специальной коллегии профессионалов при Сенате. Таким образом, главным делом Земского собора будет не разработка, а утверждение новых законов» [Там же, с. 324]. Современные российские консерваторы постоянно стремятся подчеркнуть необходимость преемственности старых и новых органов власти. Так, составители «Русской Доктрины» предлагают восстановить такой орган власти дореволюционной России, как Сенат. Вот что они пишут о его роли в политической системе современной России: «Сенат будет олицетворять в государстве контур преемственности ... Сенат мыс-

литься как несменяемое учреждение ... Сенат формируется на $\frac{1}{4}$ из представителей военно-служивого сословия, на $\frac{1}{4}$ из представителей духовного сословия с решительным преобладанием представителей Русской Православной церкви, на $\frac{1}{4}$ из представителей академии и университетских корпораций и на $\frac{1}{4}$ пополняется по назначению главы государства» [Там же, с. 325]. К компетенции Сената относятся следующие вопросы: политический и этический надзор над высшими органами политической власти и высшими должностными лицами, решение о несоответствии министров и парламентариев их должности, констатация невозможности исполнения главой государства своих обязанностей по причине болезни или совершения преступления, отклонение кандидатур на должность главы государства (выносятся квалифицированным большинством голосов, не менее чем $\frac{3}{4}$ от общего числа своих членов). Решение Сената подлежит неукоснительному исполнению.

Для главы исполнительной власти предусмотрены широкие полномочия, поскольку он «является одновременно верховным главнокомандующим, должен сосредоточить в руках рычаги верховной законодательной, исполнительной и судебной власти» [Там же, с. 326]. Он должен быть лидером, обладать сильной волей, ответственностью, чувством долга. При оценке качеств будущего руководителя государства, составители доктрины явно опирались на И. А. Ильина: «Особый тип поведения, повышенная планка долга и чести, своеобразная рыцарственность ..., жертвенность, аскетический образ жизни, ... презрение к «сверхпотреблению», ключевой долг — служение земному Отечеству как образу Отечества небесного, осознание России как уникальной культуры и цивилизации, ощущение неразрывной связи с великими предками, их ценностями, победами и достижениями, понимание русской цивилизации как исторического шедевра» [Там же, с. 170]. Глава государства должен избираться советами, одобрением Сената, Военного совета и Православной церкви.

В новой политической системе России должна быть и аристократия — лучшие люди, способные самостоятельно произвести политическую рефлексию и выдвинуть хорошо обдуманное мнение. Этот национальный, здоровый правящий слой должен искоренить две главных беды России — западничество и коррупцию.

Изучив «Русскую Доктрину», можно сделать вывод, что ее составители считают наиболее оптимальной формой правления для России монархию: «Наконец, монархия могла бы увенчать государственное устройство как ее зрелый цвет. Но на пути к восстановлению монархических институтов России, возможно, придется пройти и через диктатуру, и через авторитарное правление, другие автократические формы» [Там же, с. 327—328]. Представители «Русской Доктрины» предлагают в своем труде различные варианты восстановления монархии: призвание представителя старой династии Романовых, избрание нового царя на Земском соборе.

При изучении документа возникает целый ряд вопросов: как осуществить переход от нынешнего олигархического государства к национальному, консервативному? Какие силы будут его реализовывать? Каким способом можно изменить мировоззренческие постулаты современной элиты? Как в реальной практической деятельности будут разграничиваться полномочия главы государства, Земского собора и Сената? Все эти вопросы не до конца еще объяснены. В настоящее время ученые стараются рассмотреть целый ряд проблем, связанных с генезисом отечественного консерватизма. Дискуссионными остаются следующие проблемы: время зарождения отечественного консерватизма как политической идеологии [Пайпс, 2008]; различие между традиционализмом и консерватизмом; определение понятия консерватизма; оценка влияния, идущего от европейского консерватизма [Мусихин, 2003]; отношение консерватизма к прогрессу, реформам; эффективность консервативных концепций переустройства России в XIX — начале XX вв. [Репников, 2007]; эволюция консервативных идей во время эмиграции.

Отдельные публикации анализируют отношение президента В. В. Путина к консерватизму: «В контексте преодоления идейно-политического кризиса обращает на себя внимание, что с 2012 года президент РФ Путин стал последовательно и отчетливо обозначать свою политическую позицию как консервативную. Заговорили даже о новом русском консерватизме. Это вполне логично, поскольку в своих глубинных основаниях консерватизм достаточно органичен для политической культуры России» [Демидова и др., 2016, с. 18]. Консерватизм президента проявляется в его высказываниях о необходимости укрепления суверенитета России, необходимости сильной верховной

власти, праве страны развиваться по своему пути развития с учетом исторических традиций, отстаивании эволюционного развития страны, укреплению мощи вооруженных сил.

Можно сделать вывод, что консервативное наследие Иван Александровича Ильина является для современной России необычайно актуальным. Воплощение идей креативного консерватизма в реальный политический процесс принесет России несомненную пользу.

Литература

1. Демидова Е. И. Социокультурные ценности как фактор российского политического процесса / Е. И. Демидова, А. Н. Николаев // *Власть*. — 2016. — № 4. — С. 14—20.
2. Ильин И. А. Наши задачи. Собрание сочинений: в 10 т. / И. А. Ильин. — Москва: Русская книга, 1993. — Т. 2. Кн. 1. — 496 с.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений: Русский Колокол: журнал волевой идеи / И. А. Ильин. Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — Москва: ПСТГУ, 2008. — 855 с.
4. Лотарев К. А. Возможность и перспективы консерватизма в консолидации российского общества / К. А. Лотарев // *Власть*. — 2016. — № 2. — С. 101—111.
5. Мусихин Г. И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма) / Г. И. Мусихин. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. — 256 с.
6. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Р. Пайпс; пер. с англ. — Москва: Новое издательство, 2008. — 252 с.
7. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России / А. В. Репников // Фед. арх. агенство. Рос. гос. архив соц.-полит. Истории. — Москва: Академия, 2007. — 520 с.
8. *Русская доктрина* / Под ред. А. Б. Кобякова и В. В. Аверьянова. — Москва: Институт русской цивилизации, 2016. — 1058 с.